

УДК 82.0 (470)
ББК 83.3 (2=Рус)
С 30

Семенова Р.Э.

Аспирант кафедры литературы и журналистики Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, e-mail: Kipkeevr@mail.ru

Чанкаева Т.А.

Доктор филологических наук, профессор Института Дружбы народов Кавказа, г. Ставрополь, e-mail: tchankaeva@mail.ru

**Природа Кавказа как концепт художественного
и нравственного мировосприятия русских писателей**
(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются мотивы, образы кавказской природы и мира, их концептуальная роль в русской прозе. Отмечаются принципы изображения картин природы как объекта нравственных переживаний человека и средства раскрытия его внутреннего мира. Анализ текстов дает возможность системно осмыслить модели поэтики, понять транскультурные, глобальные процессы, затрагивающие все аспекты как русского, так и национального бытия, определить, что они неизбежно сказываются на идеологии и метапоэтике писателей, что, в свою очередь, порождает новые смыслы и новые художественные формы творчества.

Ключевые слова:

Концепт, нравственность, мировосприятие, пейзаж, мотивы, антропоморфизм, образы, картины природы, горский менталитет.

Semenova R.E.

Graduate student of Literature and Journalism Department, U.D. Aliyev Karachay-Cherkessky State University, e-mail: Kipkeevr@mail.ru

Chankayeva T.A.

Doctor of Philology, Professor of Institute of Friendship of the Caucasus People, Stavropol, e-mail: tchankaeva@mail.ru

**Nature of the Caucasus as concept of fiction and moral
attitude of the Russian writers**

Abstract:

The paper examines the motives and images of the Caucasian nature and the world and their conceptual role in the Russian prose. The authors show the principles of depiction of pictures of the nature as object of moral experiences of the person and means of disclosure of his inner world. The analysis of texts gives the chance to make sense of poetic models, to understand the trans-cultural and global processes touching all aspects both of Russian and national life and to define that they inevitably affect ideology and metapoetics of writers. This, in turn, generates new meanings and new art forms of creativity.

Keywords:

Concept, morals, attitude, landscape, motives, antropomorphizm, images, nature pictures, mountain mentality.

Нравственность, духовный мир человека, отношение к природе во все времена и у всех народов были основными предметами исследования литературы и каждый человек по-своему «прочитывается» и понимается то, что представляет ему природа, и на основе этого уже выстраивать свое поведение. Формированию экологического сознания в большей степени способствуют мастера художественного слова. В литературоведении сложились такие понятия, как пейзаж А. Пушкина, пейзаж И. Бунина, пейзаж М. Пришвина и т.д. Сакральное значение образа Кавказских гор запечатлели в своих произведениях А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, М. Горький, А.Серафимович, а позже кавказский материал вошел в творчество Ю. Либединского, Б. Пастернака, С.Щипачева, Н. Тихонова, Н.Заболоцкого, А.Малышева и других. Человеческий дух силен и бесконечен, беспредельно свободен, это, как никто другой, почувствовал своим поэтическим даром М. Ю. Лермонтов, ощущая свое родство с беспредельной свободой, обозначенной через вертикальный вектор.

Для русских авторов горы Кавказа стали недостающей вертикалью русской плоскости. Встающие на горизонте могучим стражем тишины, величественные громады, разделяя два мира – небесный и земной, защищают и оберегают человека, являют собой зримую границу бытия. В горном пейзаже доминирующей становится сила жизни и гармонии, которые выражаются в восходящем к небу расположении ступеней гор, в объемном воздухе, в темном цвете земли, переходящем к зелени деревьев, к синим или голубым оттенкам неба и сверкающему на солнце белоснежному льду вершинах. Экологическая оптика имеет дело с многократным отраженным светом в среде, то есть с освеще-

нием. Мирвосприятие русского художника, как эмоционального автора, включает осознание гармонии пространства как чего-то конкретного, и этот непрерывный процесс предполагает рефлексии и самопознание. Цвет в русской лингвокультуре обладает фоновой семантикой и коннотацией - это символ природы.

От горных массивов будто исходит божественная сила, символизирующая присутствие Бога на Земле. Вершины находятся ближе к небу, чем к земле, а их цвета – белый и золотой (под лучами солнца) - воплощают божественное начало. Так горы в произведениях М. Ю. Лермонтова – это действующее лицо. Вселенский размах души и личности поэта позволили ему увидеть и вобрать в себя «космо-психологос» (Г. Гачев). Позже Лермонтов вложит свою мысль в уста Максима Максимовича и сравнит реки с людьми.

Наблюдения показывают, что в произведениях русской литературы сфера чувств героев и сфера жизни природы раскрываются параллельно. Так, в рассказе И.Бунина «Кавказ» ожидание героями свидания, их представление о «великом счастье» связано с природой юга: «Я знал это побережье, жил когда-то некоторое время возле Сочи, – молодой, одинокий, – на всю жизнь запомнил те осенние вечера среди чёрных кипарисов, у холодных серых волн...» [1: 10]. Философия природы в прозе Бунина многосоставна, и она вбирает в себя пантеистическое начало, проявляющееся в одухотворении, обожествлении природы как наивысшем выражении сущности. Во многих картинах природы постоянными атрибутами у Бунина являются небо, небесные светила, облака, свет, струящийся с высоты.

Необходимо сказать, что как в литературе, так и в живописи запечатляются пейзажные картины, хотя это раз-

ные уровни описания одного внешне-го мира. Как не вспомнить художника Н. А. Ярошенко (с которым был связан первый карачаевский публицист и художник И. Крымшамхалов), непосредственно и своеобразно яркими красками рисующего кавказскую природу. Значительный интерес представляют созданные им пейзажи: «В горах Кавказа», «На Тереке», «Горец», «Горец на коне» и др. Неспроста критик В.В. Стасов назвал Н.А.Ярошенко «портретистом гор». Художник, наслаждаясь красотой величавой природы, размышлял: «Я хочу тебя всю взять на холст, богатую, скудную, далекую и ту, что обнимает меня и трогает своей преданностью» [2: 27]. В этой связи подчеркнем, что в основе экологического подхода к сознанию лежит зрительное восприятие окружающего мира. Нас и сегодня восхищают картины художника, сумевшего запечатлеть характер и красоту природы.

Ни один из проблемных вопросов бытия не осмысливался писателями без развития гуманистических традиций русской литературы, связанных с проблемой «человек и природа». Оптический строй охватывает то местоположение в окружающем мире, которое может занимать человек, и он должен быть упорядоченным. М.Пришвин – в «Кабарде», Ю.Либединский – в повестях, рассказах, романе «Горы и люди», А.Мальшев - в своих книгах, трудах и многие другие писатели открывают нам горный космос, жизнь природы, мир со своими людьми, гордыми, трудолюбивыми, гостеприимными. Уместно вспомнить мысль классика американской литературы Р.У.Эмерсона: «Когда человек падает, природа поднимается и служит своеобразным термометром, определяя наличие или отсутствие в человеке святости. Из-за своего уныния или эгоизма мы смотрим природе в глаза, а когда мы выздоравливаем, - она смотрит в наши...» [3: 302].

Говоря о писателях XX века, в чьем творчестве с большой любовью изображены горцы, выписаны картины при-

роды, нельзя не сказать о Юрии Либединском – человеке, который всю свою жизнь был тесно связан с Северным Кавказом. В результате многолетнего и всестороннего изучения жизни, быта, культуры кавказских народов, наблюдений за природой появились многие его произведения: повести «Будьте счастливы», «Саньят Баташева», роман-трилогия «Горы и люди» (1947), «Зарево» (1952) и «Утро Советов» (1957). Художественный показ автором иного образа жизни с большим уважением, изображение национального характера, казалось бы, чужой для него природы, неизбежно влечет за собой в отдельных случаях приукрашенность, сверхзаданность, что можно объяснить самим временем.

Незабываемая красота Теберды, Домбая – жемчужин Северного Кавказа – вдохновляла многих писателей и поэтов. Они избавлялись от стереотипов восприятия «чужой» по отношению к русской культуре. А.С. Серафимович написал здесь свои рассказы «Адимей» и «Девушка гор», М.С. Шагинян – повесть «Своя судьба», Семен Кирсанов, Маргарита Алигер, Вероника Тушнова, Юлия Друнина и другие поэты не раз посвящали стихотворения природе Теберды. Замечательный певец природы М. Пришвин восхищался Эльбрусом и много времени посвятил, находясь в Кабардино-Балкарии, глубокому изучению ее ландшафтов. Кроме очерков и зарисовок, Пришвиным были при жизни опубликованы несколько коротких, но очень живописных новелл под названием «Кавказские рассказы». Он умел замечать не только тончайшие черты природы, не отделяя человека от нее, но также внимательно наблюдал за людьми, с которыми ему приходилось встречаться. Одним-двумя штрихами писатель «схватывал», казалось бы, неуловимые явления жизни, смысловое и структурное ядро, фиксируя и выделяя в то же время наиболее характерные черты горцев.

Приведем пришвинскую зарисовку кавказского утра, утра в Приэль-

брусью, которая воспроизводит гармонию мира: «Сегодня было тихое морозное утро. Я любовался горами от первого легкого разлива света до тех пор, пока не стал свет белый, и день белым, и горы встали белые в славе.....Но гора эта закрывает еще более высокий Эльбрус» [4: 31]. Обратим внимание на игру цвета - белый/черный. Свое философское понимание явлений природы М.М.Пришвин переводит на общечеловеческий язык правды жизни. Природа у Пришвина одухотворена. По справедливому замечанию Т.М.Степановой и С.Л.Зухбы, «животные, деревья, трава, цветы, вся природа (...) щедро наделяются человеческими чувствами, способностью различать добро и зло, сочувствовать первому и ненавидеть второе, они предупреждают (...) о несчастьях, переживают горе и радости. Это слияние автора и природы усиливает значительность и драматизм происходящего» [5: 102]. Таким образом, можно сделать вывод, что русские писатели стремясь постигнуть историческую и природную закономерность в жизни человека на Кавказе, обращались к национальному материалу, философским корням фольклора, проникали в суть национального характера. В прозе писателей даны разные типы пейзажей (ландшафтный, натуралистический, эмоционально-смысловое описание природы - романтическое, символическое, философское и др.) Писатель и ученый-природовед А.Мальшев вписал тему «природа и человек» в контекст художественных исканий прозаиков Северного Кавказа. Природоописания, пейзажи, изображенные А.Мальшевым, впитали образы, мотивы, этику и философию горской ментальности. Пейзаж полифункционален, наделен антропоморфизмом. Его произведения, созданные на местном материале («Орлы вылетают на рассвете», «Оюнчу», «Мечтатели», «Искатели», «Тропой романтики» и др.) отражают национальные представления о мире, колорит, художествен-

ную логику, склад народного мышления, моделируют художественный мир в тексте и задают параметры стиля. Живя долгие годы в горской среде, Мальшев перенимал горское отношение к традиционным символам, концептам, придавал им большую эстетическую значимость, вводил в пейзажные картины.

Духовно-нравственные основы мифов и легенд карачаево-балкарского фольклора становятся идейно-композиционным ядром, выступают сюжетообразующим компонентом в повести А. Мальшева «По следам Аpscаты», а описания природы связываются с праосновами, концептами, народными воззрениями, символикой, что вскрывает глубинные представления горцев, показывает суть национального характера. Современное отношение к проблеме «человек – окружающий мир» вызывало в авторе познавательную интенцию и глубокие опасения за существование жизни на Земле. «Антропологическую катастрофу» [6: 156] он осмысливал, понимал, хотел разобраться в том, что происходит с человеческим существом, призывал бороться за сохранение биосферы. В нашем архиве хранятся копии подлинных писем А.Мальшева к К.Паустовскому, Л.Леонову, публицистические статьи и материалы, свидетельствующие о его заботе по сохранению уникальной природы заповедных мест, в том числе в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. А.Мальшев показывал природу «не внешне, статично, секундно, а в динамике, в вечном боре, что дает читателю полнее, глубже понять ее извечность и величие» [9].

Причина одностороннего истолкования «природной» символики заключается, на наш взгляд, в присущем исследователям узком понимании символа. В этом вопросе мы следуем за Полем Рикером, согласно которому символ представляет собой такой образ, который «сообщает смысл посредством смысла: первичный, буквальный, земной, зачастую фи-

зический смысл в нем отсылает к фигуральному, духовному, зачастую экзистенциальному, онтологическому смыслу, который никак не может быть». Буквальное значение одновременно может становиться ключом к восстановлению «переносного» значения символа - путем «возвратного вопрошания», задействующего смысловые резервы символа [7:34]. В эпоху метафизическую символ живет полноценной жизнью, в эпоху позитивистскую - имеет тенденцию к стагнации, к омертвлению. Этот исторический характер символа игнорируется большинством исследователей.

Национальный и русский космос иллюстрируют понимание и обозначают

идеи, созвучные культуре народов Кавказа. В этом некоем диалоге, в переключках культур нам видится определенная актуальность и новизна в постановке проблемы и ее решении, в понимании контекста. По словам М.М. Бахтина, «всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами» [8: 384]. Анализ текстов дает возможность системно осмыслить модели поэтики, понять транскультурные, глобальные процессы, затрагивающие все аспекты как русского, так и национального бытия, определить, что они неизбежно сказываются на идеологии и метапоэтике писателей, что, в свою очередь, порождает новые смыслы и новые художественные формы творчества.

Примечания:

1. Смирнова А.И. Цикл рассказов И.А.Бунина «Темные аллеи»: философия природы и поэтика // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Сер. Филология, лингвистика и межкультурная коммуникация. Орехово-Зуево, 2012.
2. Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко. Ставрополь, 1963. С. 103-105.
3. Emerson R.W. *Natura. Selections*. N. Y.: Oxford University Press, 1990. 215 p.
4. Курашинов Б.М. В кругу друзей. Памятные страницы. Нальчик, 1973. 260 с.
5. Степанова Т.М., Зухба С.Л. Д.С. Лихачев о фольклорной модели мира в древнерусской литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 97-102.
6. Панеш У.М., Жажиева Р.С. Отражение в природе (пейзажах) новой социальной жизни адыгов в ранних произведениях Тембота Керашева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 4. С. 97-101.
7. Рикер П. Конфликт интерпретаций. М.: Академический Проект, 2008. 697 с.
8. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
9. Письмо Х. Байрамуковой А. Малышеву от 16 ноября 1992 г. // Архив А. Малышева.

References:

1. Smirnova A.I. The cycle of I.A. Bunin's stories «The dark avenues»: philosophy of the nature and poetics // Bulletin of Moscow state regional classical institute. Ser. Philology, linguistics and cross-cultural communication. Orekhovo-Zuyevo, 2012.
2. Seklyutsky V. Nikolay Aleksandrovich Yaroshenko. Stavropol, 1963. P. 103-105.
3. Emerson R.W. *Natura. Selections*. N.Y.: Oxford University Press, 1990. 215 pp.
4. Kurashinov B.M. In the circle of friends. Memorable pages. Nalchik, 1973. 260 pp.
5. Stepanova T.M., Zukhba S.L. D.S. Likhachev on the folklore model of the world in the Old Russian literature // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the

- Arts». Maikop, 2012. Iss. 1. P. 97-102.
6. Panesh U.M., Zhazhieva R.S. Reflection of new social life of the Adyghe in the nature in Tembot Kerashev's early works // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2012. Iss. 4. P. 97-101.
  7. Ricouer P. The conflict of interpretations. M.: Academic Project, 2008. 697 pp.
  8. Bakhtin M.M. The problems of literature and esthetics. M.: Khudozh. lit. 1975. 504 pp.
  9. Kh. Bayramukova's letter to A. Malyshev of November 16, 1992 // A. Malyshev's Archives.